

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ПАЛАТЫ ЛОРДОВ БРИТАНСКОГО ПАРЛАМЕНТА

Алексей БРУСЛИК,

аспирант кафедры государственного строительства
Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

Summary

The article investigates the functional evolution of the House of Lords of the British Parliament, from the beginning of the body to this day. An attempt was made a thorough study of the three main functions: financial, legislative and judicial. Takes into account the not only the historical development of the institution, but also its current state. In this case, investigated acts that were previously eliminated, but still influenced the formation and development of the House of Lords. Also taken into account the constitutional traditions, constitutional treaty, other sources of the British constitution, which influenced the development of the status of the upper chamber of the British Parliament. Also analyze the current legislative framework of functioning of the House of Lords of the British Parliament.

Key words: House of Lords, British Parliament, evolution, financial function, legislative function, judicial function, Act of Parliament, reform, development.

Аннотация

В статье исследуется функциональная эволюция Палаты лордов Британского Парламента от момента возникновения этого органа и до сегодняшнего дня. Сделана попытка основательного исследования трех основных функций: финансовой, законодательной и судебной. Во внимание берется не только историческое развитие этого института, но и его сегодняшнее состояние. При этом исследованы акты, которые были ранее отменены, однако все же повлияли на становление и развитие Палаты лордов. Во внимание также принимаются конституционные традиции, конституционные договоры, другие источники Британской Конституции, которые повлияли на развитие статуса верхней палаты Британского Парламента. Анализируется также действующая законодательная база функционирования Палаты лордов Британского Парламента.

Ключевые слова: Палата лордов, Британский Парламент, эволюция, финансовая функция, законодательная функция, судебная функция, Акт Парламента, реформа, развитие.

Время – лучший реформатор
Ф. Бэкон

Постановка проблемы. Современные политико-правовые институты Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии имеют глубокие исторические корни, берущие свое начало еще с нормандского периода развития государства. В течение всего времени эволюции «туманного Альбиона» рефреном проходят такие черты национального характера англичан, как консерватизм, индивидуализм и традиционализм в развитии государственности. Все они проявляются не только в бытовой жизни рядовых англичан, но и в подходе к институциональному обустройству государства.

Цель и задачи статьи. В рамках работы мы постараемся проанализировать путь, который пришлось пройти Палате лордов со времени своего возникновения и фактического доминирования в бикамеральном тандеме Британского Парламента до выполнения в большей степени формальных функций, свидетелями чего мы являемся сегодня.

Изложение основного материала. Сфера компетенции Палаты лордов сквозь призму восьмисот лет эволюции

напоминает гиперболу, которая в своей специфической системе координат приближается, но никогда не достигает нуля. В начале своего формирования как органа государственной власти Большой Совет (Magnum Concilium), который был средневековым прототипом Палаты лордов, имел довольно широкий круг полномочий. Деятельность Палаты лордов сводилась к осуществлению пяти функций:

- 1) финансовой;
- 2) представительной;
- 3) управленческой;
- 4) законодательной;
- 5) судебной.

Проанализируем важнейшие и наиболее изменяемые из приведенных функций. Прежде всего, следует обратиться к финансовой сфере деятельности рассматриваемой палаты и выяснить, каким же образом происходила ее трансформация. Пункт 14 Великой хартии вольностей (Magna Carta) 1215 г. предусматривал: «Для того чтобы иметь общий совет королевства при обложении пособием, или налогообложении щитовыми деньгами, мы прикажем созвать архиепископов, епископов, аббатов, графов и старших баронов нашими письмами каждого отдельно» [1]. Именно этот документ впервые за-

крепил полномочия Большого Совета относительно принятия решений о введении налогов. Фактически речь идет о том, что король, желая принять решение о введении нового налога, должен был получить совет и фактическое согласие Magnum Concilium.

Прецедентами, которые сформировались во времена Генриха III (1216–1272 гг.), было установлено, что коронные вассалы (Baronage) утверждают налоги при посредничестве комитета, который состоял из выдающихся представителей как высшего духовенства, так и светской аристократии. Комитет создавался королевским writ, его члены как несущие наибольшую налоговую нагрузку были представителями интересов более мелких плательщиков вследствие наличия феодально-ленной системы.

Уже в 1297 г. из-за отказа духовенства от уплаты налогов, а также в связи с послевоенными финансовыми трудностями и общим недовольством в государстве Эдуард I издал так называемый Confirmatio Chartarum (с лат. – Подтверждающая хартия, речь идет о подтверждении Magna Carta). Это необходимо было сделать для того, чтобы засвидетельствовать признание новым королем тех положений, которые были

закреплены и подписаны в свое время Иоанном Безземельным, и вместе с тем расширить народные вольности.

Так, согласно этому документу суверен обязывался в будущем получать согласие на введение налога у всей совокупности прелатов, баронов и членов общин, составляющих Парламент [2, с. 378]. Эта норма была непосредственно закреплена в статье 7 Подтверждения хартии (французская версия), которая запрещала королю в будущем повышать пошлины «без общего согласия и доброй воли общины королевства» [3, с. 432]. Парламент пользовался уже в этот период «правом» вето на налоги с движимого имущества – до принятия указанного документа де-факто, а после и де-юре. Однако это его право очень мало сказывалось на фактических размерах налогообложения [3, с. 428]. Дело в том, что короли в будущем неоднократно пытались пренебречь этим правом Парламента, но это заканчивалось или конфликтами с палатами, или вообще восстаниями. Именно поэтому с течением времени подобные попытки стали расцениваться самим же сувереном как слишком рискованные и, как следствие, перестали применяться.

Следует отметить, что грань между двумя палатами провели в 1395 г., когда коммонеры заявили, что денежные ассигнования должны представляться Палатой общин по совету и согласию духовных и светских лордов. Спор, возникший вследствие этого заявления, был решен в 1407 г., когда Генрих IV согласился с тем, что денежные суммы, выделенные общинами и утвержденные лордами, передаются в распоряжение монарха только Спикером Палаты общин [4, с. 105]. Этот принцип действует и сегодня, в чем мы убедимся далее.

К этому событию две палаты были формально равными в вопросе налогообложения. Поэтому внедрение принципа ответственности коммонеров за инициирование налогообложения, а также его подтверждение в 1407 г. Палата общин защищала даже после Ремонстрации, когда лорды пытались инициировать билль о повышении налогов [5, с. 70]. Естественным представляется факт отстаивания своих привилегий нижней палатой Парламента. Именно поэтому последующие

века – XIV, XV и XVI – проходят сначала в борьбе и отстаивании, а затем в развитии и укреплении права вето Парламента в вопросах налогообложения [6, с. 4].

По мнению П. Бромхеда, одно из самых ранних ограничений функций и власти Палаты лордов связано с резолюцией Палаты общин от 1671 г. В ней отмечалось: «При любых актах, предоставляемых Палатой общин королю, ни размер, ни порядок налогообложения не могут быть изменены Палатой лордов» [7, с. 232]. Как справедливо заметил по этому поводу И. Редлих, привилегированное положение общин в отношении так называемого *money bills* было после этого возведено в основное положение английского государственного права, причем нижняя палата с представительницы одного слоя превратилась в представительницу всей нации [8, с. 17]. Это и понятно, ведь коммонеры отвоёвали себе одну из важнейших привилегий – финансовую, что ставило в прямую зависимость от них все государство.

Подобная традиция принятия финансовых законопроектов просуществовала до XX века, когда начался период большого реформирования Палаты лордов. Менее чем за сто лет, начиная с 1911 г. по 2009 г., верхняя палата Парламента претерпела такие реформы, каких до этого за всю свою историю не знала.

В новейшей истории Великобритании принято выделять несколько этапов в хронологии изменения статуса и полномочий членов Палаты лордов, причем процесс реформирования начался с внесения изменений в финансовые функции пэров. В этом опять же прослеживается присущий англичанам традиционализм – следование тем постулатам, которые были сформированы еще праотцами.

Принятие 18 августа 1911 г. Акта о Парламенте было вызвано конституционным кризисом, который возник в результате отклонения Палатой лордов «Народного бюджета» либерала Дж. Ллойда [9, с. 27]. Вместе с тем Акт о Парламенте 1911 г. заложил правовые концептуальные основы реформирования верхней палаты, поскольку в самой преамбуле документа отмечается, что он «предназначен для замены Палаты лордов, которая в настоящее время существует, на вторую палату (Second

Chamber), формируемую на народной, а не наследственной основе, но такая замена не может быть немедленно введена в действие» [10].

В соответствии с рассматриваемым Актом о Парламенте верхняя палата сохранила право суспензивного вето (приостанавливать или откладывать), а также закреплялась особая процедура принятия «денежных биллей» [9, с. 27]. Здесь следует добавить, что в статье 1(3) предусмотрено, что Спикер Палаты общин к соответствующему финансовому биллю обязательно должен добавить сертификат (свидетельство) о том, что этот акт является именно финансовым. Критерии, по которым следует разграничивать финансовые билли от других, содержатся в статье 1(2) этого же акта. Финансовым биллем признается публичный законопроект, который, по мнению Спикера Палаты общин, содержит только положения, касающиеся вопросов установления, отмены, уменьшения налогов, эмиссии государственных денежных знаков, уплаты государственного долга и так далее [10].

Как уже было сказано, с древних времен полномочия верхней палаты по финансовым законопроектам были существенно ограничены как путем принятия соответствующих законодательных актов, так и в результате сложившейся конституционной традиции. В частности, хотя уже к XX веку пэры не имели права вносить и предлагать изменения в финансовые билли, верхняя палата имела право абсолютного вето, чем и воспользовалась в 1911 г. Принятый же Акт о Парламенте 1911 г. заменил право абсолютного вето на суспензивное в отношении всех законопроектов, кроме финансовых. Что касается последних, то в соответствии со статьей 1(1) рассматриваемого акта, «если финансовый закон, принятый Палатой общин и переданный в Палату лордов по крайней мере за месяц до окончания сессии, не будет принят без поправок Палатой лордов в течение месяца после указанной передачи, то этот закон, если не последует иного решения Палаты общин, будет подан Его Величеству, и после королевского одобрения станет Актом Парламента, хотя Палата лордов его и не приняла» [10]. Стоит также отметить, что это правило действует и сейчас.

Далее хотелось бы рассмотреть еще одну функцию Палаты лордов, которая претерпела существенные изменения за время существования парламента. Речь идет о едва ли не важнейшей из всех полномочий верхней палаты – законодательной. В XIII веке совет магнатов не имел четко определенной компетенции в деле издания статутов, однако Мельбриджский устав, который был принят в конце правления Генриха III (1216–1272 гг.), изменил это положение дел. Этот документ установил правила проведения совещаний между королем и магнатами по поводу важнейших законодательных актов, причем опирался он на некоторые исключительные случаи, которые существовали раньше и создали для него прецедент. Эдуард I, не отказываясь от своего традиционного права издавать повеление единолично, ввел с самого начала своего царствования совещания с Большим Советом по всем важным законодательным изменениям, касавшимся частного и уголовного права, а также судебным процедурам.

Следует отметить, что уже с конца правления Эдуарда III (примерно с 1370 г.) королевские повеления не могли иметь законной силы, если ими отменялись законы, которые были изданы полным составом Парламента [2, с. 381]. Место короны в Парламенте на начальном этапе его формирования выдающийся английский историк А. Поллард определял в своей работе «Эволюция Парламента». Он считал Парламент в конце XIII–XIV веках неотъемлемым от короны, видя в ней основной определяющий элемент Парламента. По его мнению, между сувереном и Парламентом не могли существовать серьезные противоречия. Они составляли единое целое, поэтому не были возможны любые разногласия и тем более ограничения короны со стороны Парламента [11, с. 258–259]. Как представляется, именно подобная традиция – восприятие короны и парламента как единого целого, в итоге сформировала правовую конструкцию «корона в Парламенте». Здесь же следует заметить, что в настоящее время Парламент – это тоже неотъемлемая часть короны, поскольку в Великобритании понятие «корона» равносильно понятию государство.

С конца XIV века, когда палаты начали проводить заседания отдельно, происходит процесс конфронтации коммонеров и лордов. Представители Палаты общин, почувствовав в XV веке реальную возможность влиять на государственную политику, финансы и решать внутренние и внешние дела страны, начали борьбу за свои привилегии. В результате неоднократно происходили столкновения как между палатами, так и между короной и общинами. Если не принимать во внимание период революции, когда Палатой общин 19 марта 1649 г. был принят Акт об отмене Палаты лордов [12, с. 11], которая возобновила свою деятельность после реставрации монархии, то серьезных законодательных изменений в деятельности верхней палаты фактически не было.

К началу XX века пэры имели достаточно существенное влияние на законодательную деятельность, а как следствие – и на проведение политики. Относительно ограничений Палаты лордов в принятии финансовых законопроектов говорилось выше, однако количество таких законопроектов в практической деятельности парламента является мизерным. К примеру, из 33 принятых Парламентом в 2013 г. общественных общих актов (UK Public General Acts) всего один был финансовым законом [13]. Еще более показательно соотношение финансовых актов исполнительной власти (Statutory Instruments) ко всем другим, которые утверждает королева. Так, в 2013 г. Парламентом было принято 3292 акта делегированного законодательства, среди которых всего 15 являются финансовыми [14]. Поэтому понятно, что более существенными являются полномочия лордов относительно нефинансовых законопроектов.

В этом контексте вернемся к Акту о Парламенте 1911 г., который является отправной точкой в процессе реформирования законодательных полномочий Палаты лордов. В статье 2(1) этого акта говорится: «Если публичный закон (не является финансовым законом и не увеличивает срок полномочий Парламента за пределы пяти лет) будет принят Палатой общин в трех последовательных сессиях (той же самой или другой) и, отправленный в Палату лордов, каждый раз, по крайней мере, за месяц до

завершения сессии, будет этой палатой отклонен в каждой из этих трех сессий, то данный закон, как только он будет отклонен третьей раз Палатой лордов, и если не последует иного решения Палаты общин, будет представлен Его Величеству и, когда будет дано королевское одобрение, станет Актом Парламента, несмотря на отсутствие согласия Палаты лордов. Однако для применения этого предписания должно пройти два года между датой второго чтения упомянутого закона в первой из названных сессий Палаты общин и датой его принятия той же Палатой в третьей из этих сессий» [10].

Таким образом, этот Акт о Парламенте установил право суспензивного вето Палаты лордов. Срок, на который лорды имели право откладывать билли коммонеров, составлял два года. Однако следует также отметить, что статья 7 Акта о Парламенте 1911 г. ограничила срок полномочий Парламента пятью годами, когда раньше, по Акту о семилетней легислатуре 1715 г., Парламент заседал семь лет. Понятно, что последние законодательные ограничения касались именно Палаты общин, ведь только нижняя палата Британского Парламента является выборной, тогда как персональный состав верхней палаты является пожизненным и наследственным. В связи с этим Палата лордов, которая имела право двухлетнего суспензивного вето, существенно влияла на законодательную инициативу Палаты общин и, соответственно, на мероприятия и политику, которую планировало воплощать в жизнь большинство нижней палаты и правительство. Именно поэтому, в условиях возможных противоречий между пэрами и коммонерами, вполне вероятной была обструкция со стороны верхней палаты в отношении правительства путем использования права отлагательного вето. В связи с этим Кабинет мог полноценно функционировать только первые три года из общей пятилетней каденции Парламента. А поскольку исполнительная власть фактически ежедневно сталкивается с реальными жизненными проблемами, которые часто нуждаются в безотлагательном решении, то наличие двухлетнего суспензивного вето у Палаты лордов было существенной преградой на пути продуктивной де-

тельности как правительства, так и большинства нижней палаты.

Учитывая все изложенное, становится понятным, что рано или поздно коммюнери должны были вернуться к проведению следующего этапа ограничения законодательных полномочий лордов. Однако поскольку в Великобритании все реформы государственных институтов идут эволюционным путем, то следующим этапом стало заключение в 1945 г. конституционного договора Солзбери – Аддисона. Это соглашение было заключено между виконтом К. Аддисоном, который представлял правящий кабинет лейбористов, и лидером консерваторов в Палате лордов виконтом Р. Крентборном (с 1947 г. – пятый маркиз Р. Солзбери) [9, с. 27]. Этот договор стал конституционным обычаем, известным в британской парламентской истории как доктрина Солзбери – Аддисона. Ее суть сводится к следующему: Палата лордов обязывалась не отклонять те правительственные законопроекты, принятые Палатой общин, которые были разработаны для реализации инициатив, содержащихся в предвыборном манифесте партии-победительницы. Таким образом, доктрина Солзбери – Аддисона не только обезопасила подобные правительственные биллы от поражения во время второго и третьего чтения, но и защищала их от разрушительных поправок на любой из стадий законодательного процесса [15, с. 170–171].

Справедливо будет привести в этом контексте мнение виконта Р. Крентборна, который, выступая 16 августа 1945 г. при обсуждении пэрами тронной речи, которая по традиции представляет собой программу правительственного законодательства, отметил: «Какими бы ни были наши персональные взгляды, мы должны откровенно признать, что эти предложения были поставлены перед государством на недавних выборах (всеобщие парламентские выборы состоялись 5 июля 1945 г. – А. Б.) и граждане, в полной мере осознавая суть этих предложений, вернули Лейбористскую партию к власти. Поэтому правительство может справедливо считать, что оно получило мандат избирателей на выдвижение этих инициатив» [15, с. 172].

П. Бромхед удачно заметил, что «в течение «жизни» одного парламен-

та обстоятельства могут меняться» [7, с. 235], именно поэтому лейбористы не удовлетворились только заключением конституционного договора. Они прекрасно понимали, что их партии придется рано или поздно столкнуться с проблемой отлагательного вето в более серьезных масштабах. Выступая на дебатах по поводу тронной речи, которая открывала сессию 1947–1948 гг. и в которой было объявлено о намерениях правительства лейбористов внести изменения в Акт о Парламенте 1911 г., Премьер-министр К. Эттли отметил: «Зачем ждать доставки огнетушителя до тех пор, пока на самом деле не разгорится пожар?» [15, с. 173]. Именно поэтому лейбористы решили сыграть на опережение и внести изменения в Акт о Парламенте 1911 г. именно в той части, которая касалась суспензивного вето Палаты лордов, используя при этом механизм, который был предусмотрен этим же актом.

Таким образом, после того, как Палатой общин было преодолено вето лордов, а 16 декабря была получена санкция королевы, Акт о Парламенте 1949 г. стал частью законодательства Великобритании. Этот закон имел узконаправленную задачу – еще больше сократить законодательные полномочия Палаты лордов путем коррекции срока суспензивного вето. В соответствии со статьей 1 Акта о Парламенте 1949 г. время действия отлагательного вето Палаты лордов с трех сессий и двух лет изменялось до двух сессий и одного года [16]. Суспензивное вето Палаты лордов в последней формулировке на практике действует еще меньше, чем один календарный год [7, с. 234]. Кроме этого, в части 2 статьи 2 рассматриваемого акта указывалось, что он будет толковаться вместе с Актом о Парламенте 1949 г. как один закон.

С 1949 г. и до сих пор мы имеем дело с Палатой лордов, которая является форумом для дебатов и ревизором в отношении всех законопроектов, принимаемых Палатой общин. Несмотря на то, что Палата лордов имеет право законодательной инициативы, билль все равно должен пройти установленную процедуру, во время которой законопроект может быть изменен коммюнерами до неузнаваемости. Учитывая все изложенное, отметим, что законодательная функция Палаты лордов как

одна из основополагающих в практической деятельности верхней палаты на сегодня фактически сведена к нулю.

Хотя также следует отметить, что до сих пор продолжаются дискуссии по поводу компетенции Палаты лордов, соотношения властных полномочий палат Парламента и вообще конституционности принятых в 1911 и 1949 гг. актов. Площадкой для подобных обсуждений выступает не только научная среда, но и судебная и парламентская практика, что говорит о высоком уровне актуальности рассматриваемой проблемы. Непосредственно речь идет о деле Джексона («Джексона против Генерального прокурора») и судебном решении, которое было принято в результате бурной дискуссии, разгоревшейся в отношении Акта об охоте 2004 г. [25; 26].

Переходя к рассмотрению последней исследуемой нами функции Палаты лордов, следует отметить, что с момента возникновения верхней палаты ее главной функцией была именно судебная. Не зря же под термином Парламент в конце XII – в начале XIII века понимался именно суд. При Эдуарде I на первом плане в деятельности Большого Совета стояла судебная деятельность. Скорее всего, это было вызвано влиянием континентальной правовой практики, а если точнее – германских идей, по которым светская власть имела преимущественно характер суда [2, с. 384].

В этот период Большой Совет как судебный орган имел право рассматривать такие дела:

- 1) жалобы на неправильные решения общегосударственных центральных судов;
- 2) жалобы на членов самого Парламента;
- 3) право обвинения против высших должностных лиц королевской службы, которые вследствие своего высокого иерархического положения были не подсудны обычным судам [2, с. 374–377].

После того, как в Парламент начали приглашать представителей простого населения, коммюнери также начали выполнять судебные функции. Хотя подобная практика просуществовала недолго. После перехода к двухпалатной структуре Парламента судебные полномочия оказались в руках родовой

аристократии. Последний случай участия представителей нижней палаты в судебном заседании был отмечен в 1399 г. В следующем же году коммонеры даже приняли специальную петицию, в которой просили монарха освободить их от выполнения судебных обязанностей [17, с. 98].

Судебная сфера деятельности Палаты лордов долгое время регулировалась исключительно традициями и судебными прецедентами, что вызвано спецификой англосаксонской правовой системы. Наиболее ранним и одновременно наиболее известным примером статутного регулирования судебной функции палаты лордов были Акт об ошибочных решениях Суда королевской скамьи 1584 г. и Акт о ложных судебных решениях 1588 г. Этими документами было законодательно закреплено фактически и так существующее право верхней палаты рассматривать апелляции из нижестоящих судов [18, с. 663]. В 1876 г. был сделан следующий шаг на пути законодательного закрепления судебных полномочий Палаты лордов – принят Акт об апелляционной юрисдикции. В статьях 3 и 4 этого акта закреплялось право Палаты лордов рассматривать апелляции на решения высших судов Англии, Уэльса и Ирландии по уголовным и гражданским делам, а также судов Шотландии по гражданским [19].

Еще со времен Генриха III рассматривался вопрос о привлечении профессиональных судей к деятельности Большого Совета. Однако вполне естественно, что пэры не желали признать ученых юристов стоящими над ними в процессе рассмотрения судебных дел. Это были в основном судьи, представлявшие сословный суд и игравшие при лордах только роль помощников и советчиков [2, с. 376]. Понятно, что в то время не могло быть и речи об исключении из состава судебной коллегии судей, которые не были юристами, точнее – профессиональными судьями. И только со временем эта идея была закреплена законодательно. К 1844 г. установилась практика (традиция), согласно которой присутствовать на заседаниях Палаты лордов, связанных с судебными делами, могли только те пэры, которые имели для этого соответствующую профессиональную подготовку [7, с. 239]. Такой принцип

был закреплён законодательно в Акте об апелляционной юрисдикции 1876 г. Он стал непреодолимым барьером на пути любых попыток пэров-непрофессионалов участвовать в процедуре апелляционного производства в Палате лордов [18, с. 664].

В статье 6 Акта об апелляционной юрисдикции предусмотрено назначение в Палату лордов четырех ординарных лордов по апелляциям путем предоставления им пожизненного титула «барон». К кандидатурам предъявлялись серьезные формальные требования. Они должны были иметь высшую юридическую квалификацию, причем не менее двух лет занимать высшие судебные должности или в течение пятнадцати лет выступать в качестве практикующих барристеров [19]. Фактически Актом об апелляционной юрисдикции 1876 г. был создан Апелляционный комитет Палаты лордов. В будущем целый ряд актов способствовал постепенному увеличению численности пожизненных ординарных лордов по апелляциям, что было вызвано постоянным увеличением количества рассматриваемых дел.

В 1913 г. согласно Акту об апелляционной юрисдикции к четырем уже работающим лордам-судьям было добавлено еще два. В 1945 г. их стало семь, а в 1947 г. – девять. Финальная точка в этом процессе была поставлена после принятия Акта об отправлении правосудия 1968 г., который установил, что в Палате лордов будут заседать 12 ординарных лордов по апелляциям [18, с. 665]. Очевидно, что инкорпорация ординарных судей в состав Палаты лордов повысила авторитет этой палаты как судебного органа.

Кроме упомянутой апелляционной компетенции, которая была предусмотрена Актом об апелляционной юрисдикции 1876 г., Палата лордов имела право рассматривать еще ряд категорий дел. Апелляционный комитет слушал апелляции по уголовным делам на решения Отделения королевской скамьи Высокого Суда Англии и Уэльса, а также Северной Ирландии в соответствии с процедурой, известной как «процедура скачка» (leapfrog procedure). Палата лордов могла также рассматривать апелляции на решения Апелляционного суда по военным делам [20, с. 11].

Что касается процедуры допуска дел к рассмотрению в Апелляционном комитете палаты лордов, то в 1934 г. Акт об отправлении правосудия (апелляции) установил, что в Палате лордов могут рассматриваться только те жалобы, которые поданы с разрешения Апелляционного суда или самой верхней палаты Парламента. В соответствии со статьей 1 Акта об отправлении правосудия 1960 г. [21] и статьей 33 Акта об апелляции по уголовным делам 1968 г. [22] разрешения на подачу апелляций в Палату лордов выдавались в следующих случаях:

1) если нижестоящий суд постановлял, что нарушенный в жалобе правовой вопрос имеет важное общественное значение;

2) если нижестоящий суд и сама Палата лордов считали, что такой вопрос заслуживает внимания ординарных лордов по апелляции.

Последним актом, поставившим точку в вопросе о процедуре выдачи разрешения на апелляцию, был Акт об отправлении правосудия 1969 г. [23]. В нем закреплялось, что апелляции по уголовным и гражданским делам, в которых поднят вопрос о замене закона, либо в решении которых суд связан с предыдущим решением Палаты лордов или Апелляционного суда, могут подаваться прямо в Парламент. В таком случае речь идет о необходимости толкования Апелляционным комитетом норм закона, о разъяснении принятого судебного решения и фактическом предоставлении методических разъяснений нижестоящему суду.

Именно в этом случае применяется упомянутая «процедура скачка». Однако чтобы подобный механизм обжалования решения мог быть реализованным, нужно было соблюсти ряд процедурных требований. Для начала судья, рассматривавший дело, должен принять решение о том, что правовой вопрос, который встал в процессе решения этого дела, может быть решен только в процессе толкования закона или разъяснения прецедента. Обязательным является также согласие всех участников процесса на рассмотрение дела в подобном порядке. И, конечно, сама Палата лордов должна признать и принять прямое направление жалобы.

Апогеем реформирования Палаты лордов стало принятие Акта о консти-

туционной реформе 2005 г. [24]. Согласно этому закону Апелляционный комитет Палаты лордов был выведен из состава верхней палаты Парламента в полном составе. Поэтому с 1 октября 2009 г. все двенадцать ординарных лордов по апелляции стали судьями нового Верховного Суда Соединенного Королевства, однако при этом потеряли право участвовать в голосованиях в верхней палате Парламента, хотя и сохранили пожизненный статус пэров.

Выводы. Проанализировав функциональную эволюцию Палаты лордов, хотелось бы сделать несколько важных, с нашей точки зрения, замечаний. Между парламентским образованием XIII века, его постепенным развитием и откровенно революционными изменениями, произошедшими в XX и XXI веках, безусловно, есть определенная связь. Роль переброшенного между веками «мостика» играют традиции, которые почитаются и выполняются жителями Великобритании. В основу формирования прецедентного права заложены именно традиции как неотъемлемый ингредиент законодательной и прецедентной деятельности. Как без молока нельзя представить настоящего английского чая, точно так и без традиций нельзя представить английскую правовую и институциональную систему. Поэтому не зря эпиграфом статьи мы вынесли слова великого английского философа и государственного деятеля Ф. Бэкона. Проанализировав развитие Палаты лордов, кажется, что сама история реформирует Парламент.

Список использованной литературы:

1. Magna Carta (1297) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.legislation.gov.uk/aep/Edw1cc1297/25/9>.
2. Гнейст Р. История государственных учреждений Англии : [монография] / Р. Гнейст ; под ред. С.А. Венгерова. – М. : Типолиграфия В. Рихтера, 1885. – 857 с.
3. Гутнова Е.В. Возникновение английского парламента: из истории английского общества и государства XIII века / Е.В. Гутнова ; отв. ред. С.Д. Сказкин. – М. : Московский гос. ун-т, 1960. – 580 с.
4. Макдональд У. Повседневная жизнь британского парламента /

У. Макдональд ; пер. с англ. Е.В. Колочкожиной. – М. : Молодая гвардия, 2007. – 347 с.

5. McKenzie K. The English Parliament / K. McKenzie. – L. : Penguin, 1968. – 208 p.

6. Алексеев А.А. Финансовые полномочия Английского парламента : [монография] / А.А. Алексеев. – СПб. : Сенатская типография, 1914. – 83 с.

7. Бромхед П. Эволюция Британской конституции / П. Бромхед. – пер. с англ. – М. : Юридическая литература, 1978. – 336 с.

8. Английский парламента : [монография]. – Б. м. : Б. и., Б. г. – 90 с.

9. Попова М. Эволюция конституционно-правового статуса британской Палаты лордов / М. Попова // Сравнительное Конституционное обозрение. – 2013. – № 4(95). – С. 26–31.

10. Parliament Act 1911 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo5/1-2/13>.

11. Pollard A.F. The Evolution of Parliament / A.F. Pollard. – L. : Longmans, Green and Co., 1934. – 459 p.

12. Хрестоматія з історії держави і права зарубіжних країн : [хрестоматія] : у 2 т. / В.Д. Гончаренко. – К. : Ін Юре, 1998– . – Т. 2. – 1998. – 503 с.

13. UK Public General Acts from 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2013>.

14. UK Statutory Instruments from 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.legislation.gov.uk/uksi/2013>.

15. Ковалев И.Г. Проблема модернизации верхней палаты британского Парламента в условиях послевоенной реконструкции / И.Г. Ковалев // Известия Уральского государственного университета. Серия 2 «Гуманитарные науки». – 2012. – № 1. – С. 168–180.

16. Parliament Act 1949 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo6/12-13-14/103>.

17. Арчер П. Английская судебная система / П. Арчер ; под ред. и с предисл. Б.С. Никифорова. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1959. – 267 с.

18. Ковалев И.Г. Судебные полномочия палаты лордов. История их эволюции и законодательного регулирования / И.Г. Ковалев // Политика и общество. – 2013. – № 5. – С. 662–667.

19. Appellate Jurisdiction Act 1876 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Vict/39-40/59/enacted>.

20. Евсеев А.П. Верховный Суд Соединенного Королевства: становление : [монография] / А.П. Евсеев. – Х. : Юрайт, 2014. – 184 с.

21. Administration of Justice Act 1960 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Eliz2/8-9/65/enacted>.

22. Criminal Appeal Act 1968 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1968/19>.

23. Administration of Justice Act 1969 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1969/58>.

24. Constitutional Reform Act 2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2005/4>.

25. Leyland P. The Constitution of the United Kingdom: A Contextual Analysis / P. Leyland. – Oxford : Hart publishing, 2012. – 63 p.

26. Эллиотт М. Великобритания: двухпалатный Парламент, суверенитет и неписаная конституция / М. Эллиотт // Сравнительное Конституционное Обозрение. – 2007. – № 3(60). – С. 31–36.